

«Советский глобализм: теория и практика мировой системы социализма в 1950-х — 1970-х годах»: круглый стол в Институте всеобщей истории РАН¹

В Институте всеобщей истории (далее — ИВИ) РАН 19 мая 2017 г. в рамках нового исследовательского проекта по экономической истории мировой социалистической системы состоялся круглый стол **«Советский глобализм: теория и практика мировой системы социализма в 1950-х — 1970-х годах»**. В его работе также приняли участие коллеги-историки из редакции журнала «Новейшая история России» и Балтийского федерального университета им. И. Канта. Согласно замыслу организаторов, данный круглый стол должен получить продолжение в виде серии семинаров по дискуссионным проблемам экономической истории СССР и Совета экономической взаимопомощи (далее — СЭВ) в 1950-х — 1970-х гг.

Заседание открыл руководитель проекта, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, д-р ист. наук, директор ИВИ РАН **М. А. Липкин**. В своем выступлении он задался целью заинтриговать участников нестандартным ракурсом исследования и обрисовать общее проблемное поле для всех участников. Его выступление было основано на анализе статьи из американского журнала «Форчун» 1977 г., в которой содержались американские оценки нововведений в советской внешнеэкономической политике середины 1970-х гг.² По его мнению, можно с большой долей уверенности утверждать, что

этот взгляд со стороны был составлен с привлечением разработок американских «советологов», скорее всего из структур, аффилированных с ЦРУ. Он совершенно переворачивает наши представления о том, как СССР был включен в глобальную экономику, в каких областях он конкурировал на равных с ведущими капиталистическими державами и что вызывало тревогу капиталистических конкурентов социалистической экономики. Приводимые факты заставляют также задуматься об условности нижних границ начала периода застоя в СССР, сдвигая их глубже во вторую половину 1970-х гг. По крайней мере, как отметил М. А. Липкин, становится очевидным, что границы эти были весьма гибкими, и в отдельных отраслях экономики застой был весьма условным.

Статья называлась «Этот социалистический интернационал делает акцент на капиталистических методах торговли» и рассказывала о новой экспортной стратегии СССР, которая прослеживалась советологами по всплеску внешнеэкономической активности советских агентов, но которую, как считает М. А. Липкин, пока не удастся идентифицировать с привлечением материалов центральных российских архивов. В то же время некоторые косвенные документы — предложения «наверх» советских академических институтов и запросов «сверху» — демонстрируют попытки разработать новую комплексную экспортную стратегию СССР.

Приводимые в докладе цитаты из этой статьи свидетельствуют о том, что Советский Союз представляли не просто страной, отказавшейся от автаркии и включенной в мировые торговые цепочки, но «многонациональной корпорацией», создающей на Западе с целью получения прибылей судовладельческие, банковские, страховые и прочие компании, зачастую со смешанным капиталом, которые стали составной частью экономик зарубежных стран, были вполне легальны, работали по законам рыночной экономики и превращались в опасных конкурентов западных фирм.

«Советские компании в капиталистическом мире укомплектованы нерусскими исполнительными кадрами; эти сотрудники являются гражданами тех стран, где находятся эти компании. Президент Северо-Европейского промышленного банка, расположенного в Париже на бульвар *Hossmen*, — француз, который прежде был членом Французской национальной ассамблеи. В двадцати семи управляющих конторах, названных в самом последнем ежегодном отчете Евробанка, как называют это парижское учреждение, только пять человек — подданные СССР. Президент «Морфлот Америка Шиппинг, Инкорпорейтид», расположенной в Кларке, штат Нью Джерси, Артур К. Новачек, американец, который когда-то был президентом «Грейс Лайнз» и вице-президентом исполнителем компании «Ситрейн Лайнз». Шесть директоров «Морфлота», тридцать три торговых агента — мужчины, и один агент — женщина; все — граждане США»³.

Очевидно, что американская сторона располагала наиболее подробным данными об участии граждан США в советских компаниях, и масштаб этого участия не может не поражать. Возникают два вопроса: какие цели ставил перед собой СССР, доверяя иностранным гражданам и привлекая их на ключевые посты в свои головные офисы, и как это могло сочетаться с идеологическим консерватизмом эпохи застоя? Для ответа на них участникам проекта предстоит детально изучить партийные и ведомственные архивы СССР.

Американские аналитики приводят факты, свидетельствующие о небывалом буме советской внешней торговли именно с 1973 по 1976 г. По приводимым данным, советский импорт из стран «общего рынка», США и Японии вырос на 101%⁴. Наиболее внушительно выглядят цифры по успехам «Морфлота»: в первой половине 1976 г. более 10% грузовых перевозок между западным побережьем США и Гонконгом контролировали советские суда, причем это были фрахтовые услуги, а не советские грузы⁵. Благодаря железнодорожному выходу на Дальний Восток в комбинации с морскими перевозками (маршрут в 6000 миль) СССР контролировал 10% грузоперевозок между Европой и Дальним Востоком⁶. А ведь бок о бок с наймом советских лайнеров или железнодорожных составов шло предоставление советских страховых услуг на перевозимые грузы и развитие советской рекламы именно услуг — сферы, которая, как напомнил М. А. Липкин, наименее изучена в историографии.

Он отметил, что мы не знаем пока ключевых решений Политбюро ЦК КПСС за середину — вторую половину 1970-х гг. и материалов к ним. Но даже по открытым отрывочным документам можно говорить о принципиально новом направлении поиска — роли экономической стратегии в противостоянии социалистической и капиталистической систем, причем с заимствованием рыночных методов выстраивания советского маркетинга товаров и услуг.

Найденная им в архиве Министерства внешней торговли СССР переводная статья в «Форчун» ценна тем, что, хотя ряд ее данных требует перепроверки, она приводит сумму фактов, которую трудно было бы почерпнуть в одном каком-то статистическом бюллетене или даже фонде того или иного советского министерства. Безусловно, она носит отпечаток аналитики холодной войны и рефреном говорит о «красной» опасности, очевидно преувеличивая ее, однако ценность стороннего наблюдателя здесь вполне очевидна и заставляет в сопоставлении с доступными советскими документами задуматься о том, не стал ли экономический крах СССР в 1980-х гг. результатом не застоя, а, наоборот, чрезмерного реформизма, особенно в части ориентации всей советской экономики на западные технологии и финансовые ресурсы. Похоже, заключил М. А. Липкин, что и СССР, и Китай почти в одно и то же время — в середине 1970-х гг. — идут на сближение с Западом с одинаковой задачей повышения валютной выручки и технологической модернизации при сохранении идеологических устоев. Приблизиться, насколько это возможно, к ответу на вопрос о том, почему это в итоге удалось Китаю и не удалось СССР, предстоит в рамках нового исследовательского проекта по экономике мировой социалистической системы в 1950-х — 1970-х гг.

Особенностям употребления термина «мировая социалистическая система» были посвящены выступления С. Б. Вольфона и А. А. Улуяна. Научный сотрудник ИВИ РАН, канд. ист. наук **С. Б. Вольфон** выявил разные смысловые коннотации в употреблении этого термина в период до и после смерти И. В. Сталина. Традиционно советская литература со второй половины 1960-х гг. писала, что мировая система социализма — это социальная и политическая общность свободных равноправных стран, идущих по пути социализма и коммунизма с конца 1940-х гг. (иногда можно встретить четкое упоминание 1949 г.). Однако в документах той эпохи найти данный термин трудно. В известной сталинской статье из газеты «Правда»

за 1952 г. термин «мировая система социализма» не встречается, но есть точная формулировка «мировой социалистический лагерь». Именно эта милитаристская формулировка присутствует в отчетном докладе Хрущева на XX съезде КПСС. Тематика мирного сосуществования и мировой системы социализма (где она названа именно «мировым социалистическим лагерем») является одной из центральных.

Можно проследить некий перелом в понимании того, чем является «мировая система социализма», и понять, какие дискуссии проходили в то время. Если в 1952 г. этот термин употребляется в милитаристском дискурсе и иллюстрирует неизбежность войны в империалистическом мире, то в 1956 г. тот же термин применяется для того, чтобы показать, что никакой неизбежности войны не существует. В 1960 г. в речи Хрущева на съезде Румынской коммунистической партии открыто заявляется, что не следует воспринимать «мировую систему социализма» как нечто противопоставленное военным усилиям со стороны капиталистического лагеря.

Данная риторика содержит в себе сильное внутреннее противоречие. В Российском государственном архиве социально-политической истории (далее — РГАСПИ) находится проект записки Молотова 1958 г., где утверждается, что «мировая система социализма» и «мировая капиталистическая система» не могут сосуществовать в мире⁷. Молотов фактически ссылается на работу Сталина 1952 г., потому что идея мирного сосуществования с отрицанием неизбежности империалистической войны в будущем является прямым противоречием ленинским идеям и традиции использования этого термина, которая наблюдалась приблизительно до середины 1950-х гг.⁸

Выдвинутая С. Б. Вольфсоном гипотеза состояла в том, что для Хрущева идея развития мировой социалистической системы состояла в доказательстве перспективности социализма при параллельном сохранении капиталистической системы, тогда как для Сталина было важно то, что социалистическая система победит только после разрушения капиталистической. Развал этой системы описывался подробно: отсутствие экспорта в такие крупные страны, как СССР и КНР, потеря сырьевых рынков, что неизбежно приведет к новой большой войне. Вопрос о том, какие противоречия (внутрикапиталистические или межблоковые) более важны, для Сталина остается без ответа. Он пишет, что противоречия между системами гораздо более глобальны, но при этом в ближайшей перспективе именно внутрикапиталистические противоречия приведут к крушению данной системы. Риторика Хрущева сводилась к выявлению преимуществ соцсистемы, которая может обеспечить устойчивые темпы экономического роста с максимальной занятостью, что и приведет в итоге к победе этой системы. Ни о каких противоречиях внутри системы капитализма у Хрущева уже не говорится. Большая роль отводится технологическому развитию, особенно начиная с речей 1960–1961 гг., в которых Хрущев отмечает, что СССР предлагает больше возможностей для освоения новых технологий и их экспорта.

Подобный подход остается неизменным минимум до середины 1970-х гг., несмотря на политические перемены и отставку Хрущева. Вплоть до 1975 г. даже в изданиях энциклопедического характера (например, «Советская историческая энциклопедия» под ред. академика Е. М. Жукова или «Большая советская энциклопедия») содержится идея о двух сосуществующих системах, которые предлагают

принципиально разные пути развития и могут продолжать эту конкуренцию дальше. Следовательно, именно внутренние характеристики этих систем смогут обеспечить победу одной из них, а не военные столкновения. Параллельно возникает термин «мирное сосуществование», который вызывал нападки как со стороны «консерваторов» из ЦК КПСС, так и со стороны русских эмигрантов. Речь Хрущева в Румынии в 1960 г. предельно критично освещалась в «Посеве», так как для эмигрантской среды, как и для В. М. Молотова, неизбежность столкновения двух систем и невозможность их сосуществования были очевидны. Таким образом, две принципиально разные группы почти повторяют тезисы друг друга⁹.

С. Б. Вольфсон подчеркнул, что для проекта ИВИ РАН понимание «мировой системы социализма» — не только представление об общности стран, но и большой альтернативный проект развития для достижения лидерства соцсистемы и СССР. Важно проследить, как терминология используется по отношению к различным конфликтам внутри соцлагеря, в частности в период идейно-политических расхождений с Китаем. Тогда утверждалось, что Китай выходит из мировой социалистической системы, но при этом имеется тезис Хрущева о том, что Югославия является частью этой системы. Вопрос о лидерстве внутри соцсистемы не менее актуален, чем вопрос о глобальном лидерстве в целом.

Рассмотрению сложившейся традиции изучения взаимоотношений СССР и стран Восточного блока было посвящено выступление главного научного сотрудника ИВИ РАН, д-ра ист. наук **А. А. Улуяна**. Он обратил внимание на то, что эволюция советской историографии проходила параллельно с развитием историографической традиции, складывавшейся в академическом мире западных демократических стран. Это нашло отражение в «номинативном единстве» взглядов обеих историографических традиций изучения советско-восточноевропейских отношений в 1940-е — 1980-е гг. с разницей лишь в оценках этих взаимоотношений. Так, фактически создававшаяся при явном и очевидном контроле властей СССР и восточноевропейских коммунистических режимов историографическая конструкция советско-восточноевропейских отношений основывалась на идеологически выверенной схеме (кроме титовской Югославии с 1948 г. и ходжистской Албании с начала 1960-х гг.), включавшей базовые характеристики восточноевропейского геополитического пространства, с которым был связан СССР: «страны народной демократии», «лагерь мира и народной демократии», «социалистический лагерь» и, наконец, «страны социалистического содружества» и «советские союзники — страны социалистического содружества».

Примечательным фактом трансформации характеристик единства СССР и стран Восточной Европы являлся постепенный отход названий союза от подчеркнуто милитаристских к более политическим, что отражало стремление советского руководства представить складывавшуюся в системе международных отношений ситуацию в виде концепции «два мира — две системы». Эта концепция затрагивала весь спектр советской жизни и реалий коммунистических стран Восточной Европы. При этом как в советско-восточноевропейской, так и в западной историографии особое внимание уделялось подчеркиванию роли внутривнутриполитических сил во главе с местными коммунистическими партиями, которым после прихода Советской Армии в страны Восточной Европы в ходе Второй мировой войны СССР оказывал

помощь в деле политического и экономического становления «нового строя», эволюционировавшего в конечном счете в соответствии с советским образцом в однопартийную коммунистическую диктатуру. Варьируясь в деталях и оттенках оценок, основные положения концепции «братской дружбы» с Советским Союзом фактически утверждали официальную догматику «единства социалистических стран».

Так называемая западная (т. е. развивавшаяся в демократических странах Запада) историография, со своей стороны, рассматривала эти же взаимоотношения через призму советского военного присутствия, насаждения просоветских, а затем уже откровенно калькирующих советский образец режимов с опорой на местные коммунистические партии и фактическое советское присутствие-участие во всех формировавшихся государственных институтах, прежде всего госбезопасности и армии. Характеристика складывавшегося восточноевропейского объединения в данном случае давалась в виде определений «коммунистический лагерь», «советский лагерь», «страны коммунистического блока», «Восточный блок», «страны Восточной Европы» и «советские сателлиты».

Таким образом, отмечаемый А. А. Улуняном парадокс заключался в том, что обе историографические традиции, используя различно окрашенные в идеологическом плане термины, тем не менее были едины в том, что выделяли следующие факторы: 1) советское участие в становлении общественно-политических режимов в регионе; 2) формирование единого геополитического пространства, с которым был связан СССР; 3) военно-политический характер советско-восточноевропейского объединения в рамках общей системы.

Череда общественно-политических кризисов в странах Восточной Европы способствовала тому, что в западной историографии появилась и завоевала превалирующие позиции концепция, в основе которой лежал тезис об использовании руководством восточноевропейских стран своей лояльности в отношении Советского Союза с целью получения от него определенной экономической, внешнеполитической и военной помощи/поддержки. Сформулированный в середине 1950-х гг. как характеристика идейно-политических установок, шедших вразрез с советскими догматами, и признанный в политических и академических кругах Запада термин «национальный коммунизм»¹⁰ получил в западной историографии со второй половины 1960-х и особенно в начале 1970-х гг. дальнейшее развитие. Это понятие и дополнивший его термин «национальный интерес» стали применяться западным академическим сообществом к восточноевропейским коммунистическим странам¹¹. Логическая цепочка рассуждений в данном случае создавала конструкцию, основывающуюся на положении о том, что «национальный коммунизм» выступал как форма защиты национальных интересов соответствующих восточноевропейских государств.

Ликвидация коммунистических режимов в государствах бывшей Восточной Европы и отказ от использования этого топонима, замененного топонимами «Центрально-Восточная Европа», «Западные Балканы» и «Юго-Восточная Европа», тем не менее не вывели из историографического дискурса тему национального интереса коммунистических режимов в годы их существования. Примечательным в данном контексте стало развитие в современной историографической традиции

концепции «игры на противоречиях» союзников СССР с целью получения максимально возможных политических и экономических дивидендов как на Западе, так и на Востоке. Не ставя под сомнение частичную справедливость этого тезиса, А. А. Улунян отметил, что, в случае гиперболизации такого подхода к политике восточноевропейских режимов, научная оценка характера взаимоотношений СССР и стран Восточного блока лишается объективности в силу явного несоответствия реалиям. Даже действия отдельных государств, прежде всего Румынии, пытавшейся в своей внешней политике иногда прибегать к подобной тактике, не позволяют говорить о некоей сформулированной стратегии использования противоречий между Западом и Востоком.

Примечательным в развитии современной центрально-восточноевропейской историографии становится и обращение в данном контексте к экономическому аспекту взаимоотношений СССР и государств — членов Восточного блока. Финансовое и экономическое, техническое и военно-техническое взаимодействие Кремля и его союзников по Варшавскому пакту, интерпретируемое либо как сотрудничество, либо как советская помощь, либо как разделение труда и производства, превращается в основу для развития историографических направлений в рамках общей темы отношений СССР с Восточной Европой в годы холодной войны. Основным аргументом в пользу конкретной точки зрения здесь становится «принцип выгоды» подобных связей либо для СССР, либо для бывшей конкретной восточноевропейской страны, либо их группы. Однако статистические показатели без учета политических интенций «создателя» так называемого мирового социалистического содружества — СССР — едва ли могут дать полную картину подобных взаимоотношений.

В связи с этим А. А. Улунян подчеркнул необходимость изучения аналитических оценок советско-восточноевропейских отношений, относящихся к периоду холодной войны и синхронизированных по времени с происходившими событиями.

В дискуссионном ключе, полемизируя, в частности, с А. А. Улуняном, выступила аспирантка Бухарестского университета **А. С. Гладышева**, которая обрисовала проблему кризисного периода в системе социализма на рубеже 1950-х — 1960-х гг. Упомянув характерные для этого периода советско-китайское, советско-албанское и советско-румынское обострения, она остановилась на рассмотрении сути последнего.

Одной из главных причин активизации политической позиции Бухареста, по мнению А. С. Гладышевой, стал вывод советских войск с территории страны летом 1958 г.¹² Если первые разногласия с Москвой касались лишь экономических вопросов, то позднее они охватили и другие аспекты сотрудничества социалистических стран¹³.

С конца 1950-х гг. политическое руководство Румынии начинает отстаивать национально-государственные интересы, нередко поступаясь интернациональным духом мирового рабочего и коммунистического движения. Новая партийная линия получает с середины 1960-х гг. широкую поддержку со стороны интеллектуальной элиты, которая подключается к подготовке теоретической базы нового внешнеполитического курса страны.

На ноябрьском Пленуме 1958 г. ЦК РРП (Румынская рабочая партия, с 1965 г. — Румынская коммунистическая партия (РКП)) румынский лидер Г. Георгиу-Деж дал установку на подготовку долгосрочного плана экономического развития Румынии. Документ, представленный к началу 1959 г. группой румынских экономистов во главе с вице-председателем правительства А. Бырлэдяну, получил название «Директивы Политбюро — проект программы экономического развития РНР на 10–15 лет»¹⁴. Главный акцент в нем был сделан на индустриальном развитии аграрной Румынии за счет собственных и внешних ресурсов, а также на развитии сельского хозяйства, но лишь в качестве вторичного звена национальной экономики. Продвигая эту концепцию, в 1959–1963 гг. Румыния начинала активно отстаивать свои интересы в СЭВ, выступая против создания наднационального органа планирования и идеи социалистического разделения труда¹⁵. Советские планы интеграции и специализации — как в промышленности, так и в сельском хозяйстве — шли вразрез с политикой Бухареста. На формирование «особой» позиции Румынии в СЭВ повлиял ее страх оказаться зажатой среди экономически более сильных членов организации.

В продвижении национальных интересов румынское руководство использовало и разногласия, наметившиеся между Москвой и Пекином, взяв на себя роль арбитра и заняв равноудаленную от сторон конфликта позицию¹⁶. В этих условиях на свет появился важный программный документ — Декларация о позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения, принятая на расширенном Пленуме ЦК РРП в апреле 1964 г.¹⁷ В нем были провозглашены новые принципы румынской внешней политики (суверенитет, равноправие, гарантии невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодное сотрудничество), послужившие базой для выстраивания Бухарестом отношений не только с коммунистическими и рабочими партиями, но с социалистическими государствами в целом.

Смена политического руководства весной 1965 г. задала новый тон «особому» курсу Румынии. По итогам IX съезда РКП (июль 1965 г.) в основу внешней политики страны была положена концепция «развития братских отношений со всеми социалистическими странами», экономических и научно-технических связей со всеми государствами вне зависимости от общественно-политического строя, — что вписывалось, по мнению румынской стороны, в международное разделение труда, — не только социалистического, но и в мировом масштабе¹⁸.

Эта идея отвечала в первую очередь экономическим интересам страны, ориентированной на модернизацию производства путем привлечения западных капиталов и технологий. Применение новых принципов в сфере внешнеэкономической деятельности обсуждалось в феврале 1967 г. на Совещании о мероприятиях в области внешней торговли¹⁹. В апреле 1967 г. дискуссия по этому вопросу развернулась на научном коллоквиуме «Экономическая эффективность внешней торговли: теоретические и методологические проблемы». К. Мурджеску, выступая с докладом «Международная экономическая и научно-техническая кооперация: ее влияние на экономический рост и развитие внешней торговли», отметил: «Мы против некоторых форм совместного владения средствами производства по известным причинам. Но это не означает, что нельзя найти и внедрить многочисленные

приемлемые формы кооперации между странами»²⁰. Подобные теоретические установки позволили Румынии принимать участие только в тех проектах, которые соответствовали ее национально-государственным интересам.

Во второй половине 1960-х гг. Бухарест стал активнее проявлять свою позицию и в области внутриблоковой оборонной политики. В частности, он выдвинул свои требования к договору о нераспространении ядерного оружия, не поддержал позицию стран — членов Организации Варшавского договора (далее — ОВД) в ходе ближневосточного кризиса (1967 г.) и Пражской весны (1968 г.), установил дипломатические отношения с ФРГ (1967 г.), а также планомерно саботировал участие в ряде встреч и совещаний коммунистических и рабочих партий и органов ОВД.

Кульминацией «особого» внешнеполитического курса Румынии стали ее отказ принять участие во вводе войск ОВД в Чехословакию и последующее осуждение этой акции.

Разногласия, постепенно назревшие в «социалистическом лагере» на рубеже 1950–1960-х гг., сыграли ключевую роль в выстраивании румынским политическим руководством новых отношений с социалистическими странами. Во второй половине 1960-х гг. они привели к углублению конфронтации Москвы и Бухареста на фоне международных событий и внутриблоковой политики СССР.

Тема ключевых «стрессов» для мировой системы социализма была продолжена в выступлении главного специалиста РГАНИ, канд. ист. наук **Т. А. Джалилова**. Он отметил, что когда мы говорим о Чехословацком кризисе 1968 г., Пражской весне (*Pražské jaro*), то пользуемся терминологией, созданной современниками событий. Произнеся «Пражская весна», мы невольно фокусируемся на кратком временном отрезке с января по сентябрь 1968 г. (всего 9 месяцев) даже не чехословацкой, но чешской, пражско-столичной истории. В действительности, говоря о Пражской весне, правильнее ставить вопрос об одном из элементов в цепочке кризисов «мировой системы социализма». Хронологические рамки описываемого явления условно могут быть определены рубежом 1963–1964 гг., а за конечную точку можно принять декабрьский (1970 г.) пленум ЦК Коммунистической партии Чехословакии (далее — КПЧ), когда кризис не был разрешен, но временно загнан вглубь.

Остроту ситуации придавало то, что множество различных процессов в едином временном отрезке наложились друг на друга, сплестясь в единый клубок трудно-разрешимых противоречий: падение темпов роста экономики; социокультурные изменения, обусловленные вхождением общества в постиндустриальную эпоху; обострение чехословацких национальных противоречий; внутриэлитные разногласия, вызванные незавершившимся процессом десталинизации, и т. д.

Советское политическое руководство было прекрасно осведомлено о происходящем в Чехословакии²¹, представление о недостаточной информированности Москвы, ранее распространенное в историографии, не выдерживает критики, так же как в корне неверна точка зрения, что Москва слышала исключительно голос «консерваторов-сталинистов» и формировала свою позицию только под воздействием их взглядов применительно к периоду, предшествующему Пражской весне²². В аппарате ЦК КПСС накапливалась информация о «негативных явлениях в Чехословакии», говоря языком ЦК. Документы свидетельствуют, что в отделах

ЦК КПСС все прекрасно знали и не могли не понимать, в каком направлении развивается ситуация. Однако на большинстве документов мы находим характерную резолюцию: «Материал информационный, использован в работе отдела ЦК». В некоторых случаях: «Ознакомить секретарей ЦК» и сведения о рассылке документа высшему партийному руководству. Однако если подняться на уровень выше в партийно-аппаратной иерархии — уровень Секретариата и Политбюро ЦК КПСС, то мы увидим совершенно иную картину. За рассматриваемый нами период было принято более двух сотен постановлений Политбюро и Секретариата ЦК КПСС о ЧССР, готовились материалы к встречам на высшем партийном уровне, велись стенограммы встреч первых лиц КПЧ и КПСС. Во всех этих документах мы не найдем ни слова о «кризисных явлениях». Это очень красноречивое молчание.

8 декабря 1967 г. в Праге появился Брежнев. В этот момент кризис уже вышел наружу, заседал Пленум КПЧ, дело шло к отставке А. Новотного. Все ждали решающего слова от советского лидера, но он его так и не произнес. Вернувшись в Москву, Брежнев сказал встречавшим его в аэропорту членам Политбюро: «Еще не хватало влипнуть в их внутреннюю склоку. Пусть сами разбираются. Пошли они к ...!»

Дело было, конечно, не в том, что, по словам одного из исследователей, Брежнев, «так и не усвоив существа разногласий “чехословацких товарищей”... как следует из записи состоявшегося у него 13 декабря телефонного разговора с Я. Кадаром, усмотрел главную причину этих трудностей в том, что тов. Новотный не знает, что такое коллективное руководство и как общаться с людьми»²³. Это простая, но неверная интерпретация поведения Брежнева, к которой, по мнению Т. Джалилова, подталкивал сам «генсек». Лидер советского государства вовсе не был ни наивным политиком, ни профаном в аппаратной борьбе... Применительно к чехословацким событиям поведение Брежнева обуславливалось отнюдь не непониманием природы процессов, разворачивавшихся в Праге, а отсутствием внятной программы действий, которая могла бы быть позитивно принята входившими в постиндустриальную стадию развития обществами социалистических стран. Методы и практики сталинизма уже не соответствовали духу времени и были осуждены еще XX съездом КПСС. Несмотря на определенный «неосталинистский тренд», всерьез возможность полномасштабной реставрации никто не рассматривал²⁴. Однако и полноценной альтернативы сталинизму не было создано. Взамен брежневское руководство лишь предложило эклектичный набор во многом противоречащих друг другу идеологем. «Моделью будущего» провозглашались малопонятная концепция построения развитого социализма²⁵ и задача неуклонного роста благосостояния граждан²⁶. Проблема заключалась в том, что социалистическая социально-экономическая модель мобилизационного типа была изначально обречена на поражение в конкуренции с развитым капиталистическим обществом потребления.

Именно поэтому советский лидер попытался сменить дискурс восприятия нараставшего чехословацкого кризиса. Говоря Кадару о том, что «Новотный не знает, что такое коллективное руководство и как общаться с людьми», Брежнев представлял события таким образом, будто речь идет исключительно о противоречиях внутри чехословацкой элиты, которые будут с легкостью преодолены путем замены одних «руководящих товарищей» на других. Нарождавшуюся Пражскую

весну предлагалось рассматривать через призму Октябрьского пленума (1964 г.) ЦК КПСС, приведшего к отставке Хрущева, а Дубчеку отводилась роль «чехословацкого Брежнева».

С наибольшей откровенностью эта позиция выразилась в датированной 18 января 1968 г. записке под названием «К урокам Чехословацких событий». На документе резолюция Л. И. Брежнева: «Т. Александрову. Переговорить со мной» и многочисленные подчеркивания, свидетельствующие о серьезном внимании, уделенном генсеком тексту, установить автора которого пока не представляется возможным.

По мнению написавшего эту записку, на момент ее составления чехословацкий кризис был благополучно преодолен. Как отмечает автор документа, «события в Чехословакии отрицательно сказались на авторитете нашей страны и партии. Это связано с тем, что в глазах широкой общественности... Советский Союз рассматривался... как сила, препятствующая обновлению руководства»²⁷. Вину за случившееся он возлагает на «соответствующие органы, и прежде всего посольство СССР в Праге», которые «располагают значительным количеством фактов, все же не смогли правильно оценить ситуацию и, соответственно, не смогли правильно ориентировать ЦК КПСС», тем самым снимая всю ответственность за произошедшее с аппарата ЦК КПСС. Суть чехословацкого кризиса в значительной степени объясняется в записке тем, что «общество, партия, люди переросли (или перерастают) существующий уровень руководства, его компетентность, существующие формы организации общественной жизни», и тем самым сводится к вопросу о партийном руководстве и внутривнутрипартийных конфликтах. И все же автор документа вынужден констатировать: «Все это [события в ЧССР] еще и еще раз настоятельно требует... определить и отчетливо выявить свое принципиальное отношение к действительно прогрессивным и назревшим преобразованиям»²⁸. Однако именно это, по мнению Т. А. Джалилова, было для Брежнева категорически неприемлемо.

Взамен предпринимались попытки уклониться от разрешения назревших проблем путем замены реальной повестки дня «вымышленным» видением ситуации. Расплата пришла незамедлительно, когда в августе 1968 г. единственным аргументом советского руководства осталось применение неприкрытого насилия, повлекшее за собой кризис всей «мировой системы социализма».

Доцент Сургутского государственного педагогического университета, канд. ист. наук **В. Л. Некрасов** посвятил свой доклад общей для всего рассматриваемого периода теме советского экономического реформизма, который он определил как государственную политику и общественное движение, связанные с поиском новых механизмов развития советской экономики в середине 1950-х — середине 1970-х гг.

Изучение советского реформизма, по его мнению, проясняет роль идей, убеждений, бюрократических и академических организаций, экспертных сетей и практик в двадцатилетнем поиске советскими лидерами эффективной модели развития социалистической экономики. Комплексы документов, выявленные им в Архиве РАН, в ГАРФ, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЭ, показывают, что в течение этих двадцати лет реформаторский дискурс становится важным элементом советской

повседневности — политической риторики, выступлений соперничавших лидеров (Маленкова, Молотова, Хрущева, Косыгина, Брежнева), институционального строительства, разработки экономических решений, диалога политических лидеров с партийной номенклатурой, группами интересов и обществом²⁹. Однако остается без ответа вопрос о том, почему эти реформы не повысили эффективность советской экономики в долгосрочной перспективе, не позволили СССР стать привлекательной моделью для социалистических стран, ни обеспечили ему экономического и технологического лидерства.

Классическая гипотеза, возникшая в ходе дискуссий 1920–1940-х гг. о жизнеспособности административно-командной экономики, утверждает, что социалистическая экономика не поддавалась реформированию. Однако более перспективна гипотеза, согласно которой советские лидеры оказались не способны разработать эффективные стратегии реформирования советской экономики, была нарушена эволюция экономического реформизма в СССР. В историографии экономический реформизм второй половины 1950-х — первой половины 1970-х гг. традиционно признается актуальной и престижной темой в исследовании политической власти, экономики и внешней политики СССР. В 2000–2010-е гг. исследователи продолжали разрабатывать как уже ставшие традиционными темы командной экономики, «административных» реформ Хрущева и экономической реформы Косыгина³⁰, так и новые и специальные проблемы, такие как деятельность Президиума ЦК КПСС и Госплана СССР³¹, повседневность реформ³², реформы Академии наук СССР и научно-технической политики³³, оттепель и развитие экономической науки, социологии и кибернетики³⁴, глобализация и социалистическая интеграция, внешнеэкономическая, индустриальная и социальная политика³⁵ в контексте экономических реформ в СССР второй половины 1950-х — первой половины 1970-х гг.

Однако общей чертой как российской, так и зарубежной историографии является акцент на ЦК КПСС как «монопольном игроке на поле экономического реформизма»; при этом для данной традиции характерен «методологический индивидуализм»³⁶, когда успехи и провалы реформ объясняются исключительно деятельностью политических лидеров (например, «дешевый популизм» Маленкова, «волюнтаризм» Хрущева, «прагматизм» Косыгина).

Тема общественного движения в поддержку реформ в СССР осталась практически не исследована, особенно методологические и исторические проблемы формирования экспертных сетей, групп влияния и их коллективных действий по продвижению экономических предложений в ЦК КПСС и Госплане СССР во второй половине 1950-х — первой половине 1970-х гг. Между тем доступные на текущий момент документы в российских и зарубежных архивах позволяют провести комплексное исследование эволюции советского экономического реформизма, в том числе в контексте глобальной повестки развития советской экономики во второй половине 1950-х — первой половине 1970-х гг.

Фактически все социалистические реформаторы должны были разрешить общую дилемму: как совместить экономические и административные механизмы развития народного хозяйства, повысить ее эффективность, но не разрушить основные опоры системы — планирование, государственную собственность и партийное руководство экономикой.

В. Л. Некрасов предложил называть эту модель «дилеммой реформатора». Успешное решение дилеммы зависело от двух факторов: политической власти реформатора и накопленного «людьми, организациями и обществом в целом» опыта и знаний³⁷ о реформируемой экономике (что определяет возможный набор эффективных методов реформирования).

Исторические примеры Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина и М. С. Горбачева показывают, что от способности разрешить эту дилемму зависела политическая судьба реформатора. В свете «дилеммы реформатора» политическое поражение председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова было предопределено как отсутствием в 1953–1954 гг. вокруг него сильной коалиции, способной реализовать его инициативы, так и недостатком знаний и опыта реформирования советской экономики. В 1955 — первой половине 1957 гг. новый политический тандем Хрущева — Булганина, при помощи академиков С. Г. Струмилина, Н. Н. Семенова, В. А. Каргина, сумел нащупать эффективные способы решения «дилеммы реформатора» — децентрализацию управления экономикой и развитие химической индустрии.

Во второй половине 1957 — начале 1958 гг. Хрущев не только сконцентрировал в своих руках партийную и государственную власть, что позволяло продолжить реформы, но и одновременно старался сконструировать бюрократические и академические институты, способные разработать практические меры для повышения эффективности советской экономики и в целом новую парадигму долгосрочного развития СССР. Так, в конце 1959 — начале 1960 гг., вопреки «мягкому» сопротивлению председателя Госплана СССР А. Н. Косыгина³⁸, Хрущев организовал Государственный научно-экономический совет СССР, который в 1960–1962 гг. трансформировался в центр разработки экономической реформы (новая система оптовых цен и тарифов в промышленности и на транспорте, внедрение хозрасчета на предприятиях, «непрерывное» планирование). В январе — феврале 1963 г. он инициировал создание Совета по науке при Совете Министров СССР, в середине 1963 г. предложил организовать группы ученых-экономистов — советников при председателе Совета Министров СССР³⁹.

Можно утверждать, что в 1959–1964 гг. в СССР складывалось «неустойчивое равновесие» между двумя ключевыми факторами, необходимыми для реализации реформ, — политической властью Хрущева и деятельностью Госэкономсовета СССР и Совета по науке, объединивших множество экспертных сетей, которые обладали знаниями и опытом для реформирования советской экономики. Вопрос о том, почему именно в этот период реформы не были реализованы, требует специального исследования. Возможно, это связано с обострением внешнеполитической ситуации 1961–1962 гг. (Берлинский и Карибский кризисы), неудачной реализацией денежной реформы 1961 г., Новочеркасскими событиями 1962 г. и экономическими трудностями 1963 г., а также аппаратной борьбой в ЦК КПСС и Совете Министров СССР (А. Ф. Засядько — А. Н. Косыгин). Созданием этих принципиально разных организаций — «бюрократического» Госэкономсовета СССР, «несистемного» Совета по науке или групп экономических советников — Хрущев преследовал цель сформировать систему сдерживания групп интересов, поступления независимой и объективной информации в ЦК КПСС и Совет Министров

СССР о «неправильных» решениях Госплана СССР и обеспечения эффективного распределения капитальных вложений в экономике.

В мае — сентябре 1964 г. Хрущев активизировал подготовку экономической реформы, но эти шаги уже не могли изменить ситуацию и предотвратить его отставку. Стратегия Хрущева стала восприниматься высшей бюрократией неэффективной, поскольку снизились темпы экономического развития, обострилась борьба между отраслевыми группами влияния за капитальные вложения, постоянные реорганизации и создание «несистемных» институтов (Госэкономсовет СССР, Совет по науке) раздражали высшую бюрократию.

Однако отставка Хрущева в октябре 1964 г. не означала, что новый председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин сможет более эффективно решить «дилемму реформатора», потому что он не обладал необходимой для успешной реализации реформы политической властью, хотя в 1960-е гг. советскими экономистами был накоплен значительный объем новых знаний и опыта о советской экономике. Но в ноябре 1964 г. Косыгин ликвидировал Совет по науке как «независимый» экспертный центр, сосредоточив впоследствии всю работу по реализации реформы в «бюрократической» Межведомственной комиссии при Госплане СССР и лишив экономическую реформу альтернативной институциональной поддержки. Его попытка организовать специальные институты по вопросам экономической реформы в 1968–1970 гг., возможно исходя из опыта начала 1960-х гг., провалились⁴⁰ вследствие противодействия министерской бюрократии (Госплана СССР, Министерства финансов СССР и Центрального статистического управления СССР). Таким образом, если неудачи экономических реформ в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. были вызваны недостатком знаний и опыта реформирования, то во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг. кризис государственного экономического реформизма наступил вследствие нарушения эволюции и слабой институциональной поддержки. В первой половине 1970-х гг. политическое руководство постепенно начинает отказываться от экономических реформ.

Как общественное движение, экономический реформизм в СССР проявился в деятельности академических организаций и экспертных сетей, объединявших ученых, которые во второй половине 1950-х — первой половине 1970-х гг. скорее спонтанно, чем целенаправленно, разрабатывали предложения по экономической реформе и созданию новых отраслей экономики (химической промышленности, электроники) и предпринимали коллективные действия для убеждения ЦК КПСС в необходимости реализации их инициатив.

Возникновение общественного реформаторского движения и рост активности экспертных сетей происходят уже в конце 1950-х гг.⁴¹ Включение экспертных сетей в разработку экономических вопросов связано с осознанием высшей бюрократией ценности исследований в области экономики и международных отношений, важности публичных дискуссий для принятия решений. Это вело к размыванию и трансформации идеологического контроля над экономической наукой, кибернетикой и социологией, росту количества ученых, созданию научно-исследовательских организаций, становившихся центрами фундаментальных и прикладных исследований, которые были тесно связаны с проблематикой экономических реформ.

Интеграция экспертных сетей с бюрократическими институтами осуществлялась через научные советы и комиссии. В 1959–1964 гг. в тесной связи с Госпланом СССР, Госэкономсоветом СССР и Госкомитетом по науке и технике СССР действовали пять групп экономистов, включенных в сетевые отношения, разработавших концепцию так называемой косыгинской экономической реформы⁴².

Среди них особенно выделялась группа Леонида Ваага⁴³, экспертная сеть экономистов, сторонников «цен единого уровня», сложившаяся вокруг Госэкономсовета СССР (Л. А. Вааг, В. Д. Белкин, И. Я. Бирман, С. Н. Захаров, И. С. Малышев, академики А. И. Берг, В. С. Немчинов, В. А. Трапезников, член-корр. И. С. Брук). Ликвидация в ноябре 1962 г. Госэкономсовета СССР не привела к распаду этой экспертной сети. В январе — мае 1964 г. эта экспертная сеть предприняла коллективные действия по продвижению в ЦК КПСС и Госплане СССР предложений о переходе к «ценам единого уровня» и в августе — ноябре 1964 г. подготовила для Совета Министров СССР доклад «Об укреплении хозяйственного расчета, совершенствования планирования и ценообразования»⁴⁴. В начале 1960-х гг. формируется экспертная сеть, объединившая 17 крупных академических ученых, формализованная в январе — феврале 1963 г. по инициативе Хрущева в Совет по науке при Совете Министров СССР, который возглавил академик М. А. Лаврентьев⁴⁵.

В 1963–1964 гг. Совет по науке становится центром экономического реформизма, взаимодействуя с другими экспертными сетями (например, с проектом академика В. М. Глушкова по созданию Единой сети вычислительных центров и группой Ваага). В апреле 1963 г. возникает группа экспертов, возглавляемая Д. М. Гвишиани, занимавшихся вопросами управления народного хозяйства⁴⁶. Изучение архивов показывает высокую роль общественной инициативы и сетевого взаимодействия в формировании реформаторской повестки в СССР до середины 1970-х гг.⁴⁷

В конце выступления В. Л. Некрасов сделал вывод о том, что исследование советского экономического реформизма не только должно включать в себя историю политических лидеров, но и требует, чтобы мы заглянули вглубь «черных ящиков» бюрократических и академических институтов и функционирования экспертных сетей, которые оказывали серьезное влияние на принятие ЦК КПСС, Советом Министров СССР и Госпланом СССР экономических решений.

Темы экспертных сетей и их взаимодействия с ЦК КПСС, равно как и метаморфозы в самом ЦК, были освещены в выступлении ведущего специалиста РГАНИ, канд. ист. наук **Н. Ю. Пивоварова**. Продолжая частично тему В. Л. Некрасова, он напомнил, что анализ механизмов формирования и принятия политических решений в СССР позволяет более полно исследовать теоретический контекст советского глобализма периода холодной войны. Особое внимание он посвятил вопросам, связанным с процедурой принятия решений в ЦК КПСС — основополагающим элементом советской политической системы, ключом к пониманию того, как функционировала сложная политическая машина развития мировой системы социализма.

Особую значимость, по мнению Н. Ю. Пивоварова, приобретает анализ деятельности ЦК КПСС во второй половине 1950-х — первой половине 1980-х гг. Именно в эти годы ЦК компартии, а точнее, аппарат ЦК превращается во всеобъемлющий

институт власти, который разрастался каквширь (усложнение организационной структуры, увеличение штата и т. п.), так и вглубь (развитие общей системы партийного делопроизводства, увеличение числа субъектов, включенных в формирование и реализацию политических решений).

Одним из важнейших инструментов политической коммуникации были протоколы заседаний ЦК. Эти документы, являясь элементом партийного делопроизводства, содержали ключевые политические решения по международным и внутренним вопросам. Протоколы ЦК рассылались по определенному списку — подлинной советской политической элите. Постановления ЦК разрабатывались и утверждались Пленумом, Президиумом (с марта 1966 г. — Политбюро) и Секретариатом. Согласно Уставу партии в редакции 1966 г., Пленум объявлялся высшим органом ЦК. Политбюро руководило работой партии между пленумами, а Секретариат занимался текущей работой, главным образом по подбору кадров и организации проверки исполнения⁴⁸.

Однако положения Устава лишь отчасти фиксировали действительную природу взаимоотношений органов ЦК. В историографии сформировалось заблуждение о том, что Политбюро было вышестоящей по сравнению с Секретариатом структурой. Это некорректное утверждение. Секретариат иногда отправлял на доработку и отклонял постановления, принятые на заседаниях Политбюро. Секретариат и Политбюро были равнозначными органами ЦК, имевшими одинаковое влияние на принятие политических решений. Однако между этими органами традиционно существовало определенное «разделение труда». На Политбюро чаще всего рассматривались вопросы международной политики, обороны, сельского хозяйства, развития отдельных отраслей промышленности. Секретариат занимался проблемами функционирования отдельных партийных, государственных и общественных организаций, курировал номенклатуру ЦК. Но даже этой традиции в ЦК не всегда придерживались. Например, в 1965 г. именно на Секретариате разрабатывались основные положения Ташкентской декларации 1966 г., в том же году Секретариат утвердил Постановление «Об идеологической работе против Китая».

Существовал определенный порядок формирования повестки дня заседаний ЦК. Первоначально документ с вопросом или готовым предложением поступал в Общий отдел ЦК, оттуда материалы направлялись в специализированный отдел, в ведении которого была рассматриваемая проблематика. Если документ имел принципиальное политическое значение и руководство отдела не могло разрешить поставленные в нем вопросы своими силами, то документ направлялся секретарю ЦК, курировавшему одну из сфер советской внутренней или международной политики. Именно секретари ЦК принимали окончательное решение — отправить документ на дополнительное согласование или включить его в повестку Секретариата или Политбюро.

Ключевой вопрос состоит в том, каким образом тот или иной документ попадал в ЦК. Чем инициировалось рассмотрение конкретных вопросов — актуальной ситуацией, требовавшей оперативного вмешательства, или документ тщательно готовился и прорабатывался перед тем, как оказаться на столе у секретарей ЦК? Точного ответа нет. Иногда в самих источниках содержится подсказка об истории их создания, но чаще всего актуальность была обусловлена общим историческим

контекстом. Так, практически все документы советских посольств, резидентур КГБ и ГРУ, поступавшие в ЦК в форме записок и в виде шифр-телеграмм, рассматривались в оперативном порядке. Вопрос, зафиксированный в документе, мог решаться довольно быстро, в течение нескольких дней или даже часов, а мог и «вариться» по нескольку лет. Особенностью хрущевско-брежневского периода стало активное привлечение для разрешения вопросов различных экспертов. Если при И. В. Сталине чаще всего постановления готовились только внутри аппарата ЦК (исключением были вопросы госбезопасности и внешних отношений), то при Н. С. Хрущеве стали привлекать руководителей министерств, комитетов и других государственных структур, а при Л. И. Брежневем экспертное сообщество пополнилось руководством научных институтов, среди которых стоит упомянуть Институт рабочего движения, Институт США и Канады. Таким образом, в середине 1970-х гг. в разработке одного постановления Секретариата или Политбюро могли участвовать до 15–20 чел.

Как полагает Н. С. Пивоваров, в настоящее время механизм формирования и принятия политических решений в ЦК КПСС изучен далеко не полностью. Возможно, что новые источники, которые ежегодно вводятся в научный оборот, позволят нам лучше понять технологию, содержание и значение работы самого важного государственного политического органа советского времени.

Продолжая выступление М. А. Липкина, старший научный сотрудник ИВИ РАН, канд. ист. наук **Е. А. Осипов** поделился с участниками новыми данными об оценках французскими советологами экономических реформ эпохи А. Н. Косыгина в СССР.

Во Франции внимательно и с интересом следили за ее ходом. В Архиве экономики и финансов Франции и Архиве МИД Франции сохранилось большое количество материалов, подробно анализирующих масштабные изменения в СССР. Косыгинская реформа наряду с военным коммунизмом, новой экономической политикой (НЭП) и периодом Централизованного планирования (так в материалах Архива экономики и финансов называется весь сталинский период) считалась самостоятельным этапом в развитии советской экономики⁴⁹. Главной причиной, заставившей советское руководство пойти на проведение реформы, французы называют заметное замедление темпов роста советской экономики (в период 1959–1965 гг. ее годовой рост составил по официальным данным 6,6% вместо запланированных 7,1–7,4%, а по западным источникам — всего 5%), связанное прежде всего с неудачами в развитии сельского хозяйства⁵⁰.

Среди основных особенностей реформы французские советологи выделяли то, что впервые за долгое время в СССР к принятию экономических решений привлекают экспертные группы. В одной из аналитических записок Организации экономического сотрудничества и развития отмечается, что «в сталинскую эпоху критерии планирования разрабатывались исключительно администрацией; экономисты о них не знали и, соответственно, не имели никакой возможности их обсуждать или анализировать. Впоследствии же информация стала более многочисленной и точной: экономическая ситуация могла теперь быть изучена экономистами, независимыми от Госплана. Их исследования быстро привели к критике существующих механизмов и к разработке предложений по ревизии существующей системы, отдельные из которых в итоге были приняты»⁵¹. Также

французы отмечали, что при проведении Косыгинской реформы учитывался опыт НЭПа, «хотя до 1966 г. ленинские методы управления экономикой не признавались и не применялись»⁵². При этом речь шла «не о возвращении к практике 1920-х гг., а о создании условий, позволяющих промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и торговле работать эффективнее»⁵³.

Перспективы Косыгинской реформы оценивались на Западе достаточно оптимистично. В одной из справок подкомитета НАТО по экономической политике СССР от 4 мая 1966 г. отмечалось, что «при условии преодоления бюрократического сопротивления результаты работы предприятий могут быть улучшены благодаря введению стимуляторов, основанных на более рациональных показателях прибыли и благодаря мерам, открывающим для предприятий более широкие возможности для инициативы»⁵⁴. В целом в документе отмечалось, что предпринимаемая в СССР реформа представляет собой «самую серьезную попытку заинтересовать промышленность в результатах своего производства и заставить предприятия учитывать интересы потребителей»⁵⁵.

Как отметил Е. А. Осипов, для Франции было особенно важно, что в экспертных заключениях подкомитета НАТО в мае 1966 г. был сделан следующий вывод: «Несмотря на то, что реформа не сильно затрагивает вопросы внешней торговли, есть основания полагать, что поиск экономической эффективности приведет советское руководство к пересмотру своей политики в этой области... и к серьезным последствиям, которые изменят структуру и географию советской внешней торговли»⁵⁶. Для руководства Пятой республики, стремившегося к развитию экономического аспекта разрядки и к широкому выходу на рынок Восточной Европы, подобные выводы были очень полезны. Не случайно уже через месяц после того, как был составлен цитируемый выше документ, в июне 1966 г., в Москве в ходе встреч между Л. И. Брежневым и генералом де Голлем были определены контуры будущих больших совместных проектов, благодаря которым советско-французский товарооборот увеличился вдвое в 1966–1970 гг.

Продолжая тему нового экономического цикла во взаимоотношениях СССР с ключевыми странами Запада, **Алессандро Салаконе**, канд. ист. наук из университета Рим III (Италия), дополнил картину «экономики разрядки» примерами из советско-итальянских отношений. Он напомнил, что в отношениях Италии и СССР с середины XX в. определяющую роль играли энергетические проекты. В сложной международной обстановке времен холодной войны, когда Советский Союз и Италия принадлежали к противоположным идеологическим и военным лагерям, такие проекты имели двойную функцию: они служили мостом для запуска двусторонних торгово-экономических отношений и ускоряли развитие политического диалога.

В январе 1959 г. на XXI Съезде ЦК КПСС был принят амбициозный семилетний план, предусматривавший увеличение на 85 % продукции тяжелой промышленности, на 62 % — легкой промышленности, на 70 % — сельского хозяйства, на 65 % — национального дохода, на 40 % — реальных зарплат. Перед СССР была поставлена цель: к 1965 г. стать первой экономической державой мира. Очевидно, что одних только отечественных технологий было недостаточно для такого рывка, и сотрудничество с Италией могло внести вклад в преодоление технологического разрыва.

С точки зрения Италии годы послевоенного восстановления промышленности и экономического бума выявили недостаток энергетических ресурсов, вынудив руководство страны искать сырье за границей. Результатом стала частая необходимость подчиняться условиям, навязываемым западными картелями. Это обстоятельство было замечено советской дипломатией, которую после смерти Сталина характеризовали большие гибкость и прагматичность. И хотя отношения с США продолжали оставаться ключевыми для международных отношений, в новом сценарии мирного сосуществования, разработанном Хрущевым, некоторые второстепенные страны, в том числе Италия, вновь обретали важность в логике международного равновесия и союзов между государствами.

Так, в 1955 г. советское правительство предложило Италии начать новый этап двустороннего сотрудничества, в котором теме энергетического взаимобмена была отведена первостепенная роль. Возможность импортировать из СССР по конкурентным ценам значительное количество сырой нефти, а также метана отвечала первостепенным нуждам итальянской промышленности. Без долгих колебаний, обойдя некоторые запреты НАТО, итальянские правительства в этот период приняли советские авансы, и весьма скоро Италия стала одним из основных экономических партнеров Москвы среди западных стран.

В этом контексте в 1958 г. был разработан первый значительный нефтяной контракт с СССР. Он предусматривал импорт со стороны компании «ЭНИ» 80 тыс. т нефти за 360 тыс. долларов и экспорт 5 тыс. т синтетической резины стоимостью свыше 1 млн долларов, за которым должны были последовать еще 10 тыс. т в течение двух последующих лет. Вскоре Рим и Москва пришли к историческому соглашению, подписанному в октябре 1960 г. между Союзнефтеэкспорт и «ЭНИ». Согласно этому договору, СССР экспортировал в Италию 12 млн т сырца в обмен на 240 тыс. т труб большого диаметра и оборудование для нефтепроводов. Политическая значимость данного соглашения была столь высока, что во всех западных столицах операция «ЭНИ» вызвала живую озабоченность и заставила опасаться за верность Италии Североатлантическому Союзу.

По сути, энергетические проекты с Италией не только имели очевидную торговую выгоду, но и входили в стратегию, разработанную Москвой, чтобы попытаться ослабить связи Рима с НАТО, используя в том числе присутствие самой большой коммунистической партии Запада и интерес предпринимательских кругов, в основном благоприятно относившихся к новой открытости Италии.

Очевидно, что в Риме была понята и принята советская стратегия. Благодаря ей Италия стала основным импортером советской сырой нефти среди несоциалистических стран в 1958–1959 гг. Доля поставляемой Италии из СССР нефти быстро росла в 1958–1960 гг. и становилась все более значимой частью нефтяного импорта Италии. Она выросла с 4,6 % в 1958 г. до 9,2 % в 1959 г. и достигла 13,71 % в 1960 г.

Москва могла предложить выгодные условия поставок Италии и другим западным странам, поскольку применяла политику «двойных цен», т. е. продавала сырую нефть социалистическим странам по завышенной цене, с тем чтобы иметь возможность экспортировать сырую нефть западным странам по низким ценам. Рим пользовался этими преимущественными отношениями на протяжении многих

лет, а Советский Союз сделал эту связь инструментом для попыток влияния на внешнюю политику Италии через торговые отношения.

Ошибкой было бы считать, что данная стратегия достигла всех поставленных целей. Италия так никогда и не вышла из Североатлантического Союза, но несомненно, что торговые отношения, начатые на основе энергетических проектов, были основополагающим инструментом для развития двустороннего сотрудничества по многим международным вопросам. После отставки Хрущева энергетический обмен стал первоочередной темой двусторонних отношений, что позволило двум столицам, хотя и с противоположных идеологических позиций, найти общую почву для сотрудничества, чтобы внести свой вклад в разрядку международной напряженности.

Старший научный сотрудник ИВИ РАН, канд. ист. наук **И. А. Аггеева** сосредоточила свое выступление на анализе практики торгово-экономических отношений СССР и Канады в связи с эволюцией идеологических догм в СССР. На рубеже 1960-х — 1970-х гг. Москва ввела определенные дипломатические ограничения на распространение негативных для Запада коммунистических, революционных догм, идей пролетарского интернационализма, антиимпериализма и классовой солидарности, составлявших фундамент социалистической внешней политики с момента образования СССР как государства нового типа. Непродолжительный период снижения остроты идеологического противостояния завершился уже к 1976 г. с проведением Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы, подтвердивших глобальный и непримиримый характер идеологической классовой борьбы на международной арене.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. СССР и Канада обменялись визитами высокопоставленных лиц и подписали ряд важных документов о политических консультациях, обмене научно-технической информацией, сотрудничестве в области радиовещания и телевидения. Стороны заключили важное соглашение о воздушном и морском грузовом сообщении, открыли морскую пассажирскую линию, морские грузовые линии между портами Канады и советскими портами Баренцева, Балтийского, Черного морей и Дальнего Востока. Канаду посетили министр иностранных дел А. А. Громыко, председатель правительства А. Н. Косыгин, в мае 1971 г. в Союз впервые в истории двусторонних контактов прибыл премьер-министр П. Э. Трюдо. Канадцы увидели Москву, Ленинград, Самарканд, советский Север и Норильск, где ознакомились с работой горно-металлургического комбината.

Советской стороне импонировал пересмотр внешнеполитических установок либеральным правительством П. Э. Трюдо, которое предприняло ряд шагов в сторону более полного учета национальных интересов, что, в силу тесных союзнических отношений с США, неизбежно выглядело как некоторая антиамериканская фронда. Сокращение военного участия в НАТО, отказ от ядерной роли для своих войск, торговля с Кубой, визит Трюдо в Китай, диверсификация экономических связей за счет Японии, стран Азии, Африки, Латинской Америки указывали на намерение Канады играть все более активную роль в международных делах.

Заметное место в политике Оттавы стали занимать вопросы возможного экономического сотрудничества с СССР. Интеграционные процессы и блоковое

строительство в мировой экономике, усилившиеся на рубеже 1970-х гг., стимулировали не только развитие деловых связей между участниками этих союзов, но и торговый обмен со странами извне. Канада не являлась официально участницей торговых блоков, но, в силу исключительного значения торговли как ключевой отрасли национальной экономики, стремилась к выходу на новые рынки и поиску новых партнеров.

Накануне приезда в Москву П. Э. Трюдо ведущий идеолог КПСС М. А. Суслов провел в Кремле примечательную беседу с делегацией канадских коммунистов. Суслов разъяснил принципы мирного сосуществования, их соотношение с мировым революционным процессом и классовой борьбой. Он жестко критиковал идеи соглашательства с буржуазной социал-демократией, теорию конвергенции, отказ от классового насилия, однако из тактических соображений призвал «не шуметь» о диктатуре пролетариата на каждом перекрестке, а дожидаться созревания ситуации для прихода коммунистов к власти в стране⁵⁷.

Логике снижения идеологической конфронтации соответствовали и рекомендации, выработанные МИД СССР накануне отъезда в Канаду А. Н. Косыгина в октябре 1971 г. Было признано нежелательным допускать какие-либо высказывания антиамериканского характера. Антиамериканскую тему, мягко и скрыто, предлагалось заложить в комплиментарные оценки независимой политики канадского правительства и роста его авторитета⁵⁸.

В 1969 г. стороны договорились об учреждении Торгового представительства СССР в Канаде, которое сразу превратилось в штаб-квартиру Министерства внешней торговли по изучению рынков, генерации идей, ведению переговоров. Энергичные внешнеэкономические усилия не были лишены некоторой парадоксальности. Теоретические утверждения об историческом наступлении социализма и изменении соотношения сил в мире в пользу социализма вполне успешно сочетались с обучением азам капитализма, использованию общеэкономических инструментов и критериев, организации рекламы, сервисных служб, устройству выставок, ярмарок и т. п.

По мнению И. А. Аггеевой, можно критически оценивать эффективность этих усилий, если соотносить результаты продаж с показателями рыночного товарооборота Канады с США, Японией, Англией, однако сам факт выхода на высоко монополизированный и конкурентный канадский рынок и впечатляющая торгово-экономическая динамика на протяжении короткого периода времени заслуживают позитивных оценок.

Учились советские уполномоченные деятели быстро. В Канаде были созданы четыре смешанных советско-канадских общества. Учрежденная в 1971 г. компания «Беларусь-эквипмент» добилась того, что к середине 1970-х гг. на полях Канады работали 2,5 тыс. тракторов различных советских марок. «Сокен Эркафт» и «ЕМЕК Трейдинг» заключали контракты на запродажи гидроэнергооборудования и самолетов Як-40. «Станко-Канада» только в 1975 г. продала кузнечно-прессового оборудования, подшипников, пневмопробойников и других товаров на сумму в 1,5 млн долларов. Несмотря на конкуренцию с японской, западногерманской, американской фототехникой только в 1969 г. в Канаде был продан 3361 фотоаппарат «Зенит-80» (для сравнения: в 1968 г. реализовано 8 фотокамер)⁵⁹. Большой

спрос на высокотехнологичном рынке стимулировал советские разработки в области фотоаппаратуры, но известные производственные трудности, связанные с бюрократизацией и централизацией советской системы управления, создавали искусственные препятствия на пути быстрого удовлетворения запросов канадского потребителя. Однако и эти трудности объяснялись характером государственной экономики СССР, а не идеологическим отрицанием капитализма как «общества наживы», не имеющего будущего.

Оборот советско-канадской торговли быстро увеличивался. В 1976 г. он составил 543,6 млн руб. против 143 млн руб. в 1971 г. При этом рост торговли впервые в двусторонних отношениях происходил не только за счет закупок зерновых и муки, но и благодаря расширению взаимной торговли машинами и оборудованием. Тем не менее в целом советско-канадская торговля продолжала характеризоваться хронической несбалансированностью при значительном дефиците для СССР (с 1956 по 1976 г. — соотношение 12,5: 1 в пользу Канады)⁶⁰.

Изменения в торгово-экономических отношениях имели все шансы выйти на новый уровень практических результатов в случае осуществления в СССР крупномасштабных проектов, связанных с разработкой природных ресурсов, и допуска канадских инвестиций в нефтегазовый комплекс. Однако подобные предложения канадских деловых кругов не встретили понимания в Москве в силу политических, военных и технологических причин. В целом за несколько лет восходящего развития разрядки между СССР и Канадой установились конструктивные деловые отношения, которые позволили несколько сгладить асимметрию торгово-экономических связей, чему в немалой степени способствовало временное смягчение со стороны СССР публичной ритуальной идеологической риторики в пользу практического взаимодействия.

¹ Публикация материалов круглого стола, организованного и проведенного в ИВИ РАН 19 мая 2017 г. научным коллективом, работающим при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 17-18-01728 «Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х гг.: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР».

В работе круглого стола приняли участие: М. А. Липкин (д-р ист. наук, профессор, директор ИВИ РАН), С. Б. Вольфсон (канд. ист. наук, научный сотрудник ИВИ РАН), В. Л. Некрасов (канд. ист. наук, научный сотрудник ИВИ РАН), А. А. Улуян (д-р ист. наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН), Т. А. Джалилов (канд. ист. наук, главный специалист РГАНИ, научный сотрудник ИВИ РАН), Н. Ю. Пивоваров (канд. ист. наук, ведущий специалист РГАНИ, научный сотрудник ИВИ РАН), И. А. Агеева (канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН), А. В. Гладышева (младший научный сотрудник Института славяноведения РАН, младший научный сотрудник ИВИ РАН), Е. А. Осипов (канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН), А. Салаконе (Ph. D., научный сотрудник ИВИ РАН).

² Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 413. Оп. 31. Д. 6904. Л. 20-1.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 12–13.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1662.

⁸ *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 30–37.

⁹ Хрущев оправдывается: о речи на III съезде румынской компартии // Посев. № 27(738). 1960. 3 июля.

¹⁰ Одним из примеров использования этого термина стало название сборника материалов, опубликованного в 1956 г. по результатам событий в Венгрии и Польше: *National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe: A Selection of Documents on Events in Poland and Hungary. February — November 1956* / ed. P. Zinner. New York, 1956.

¹¹ Подробнее о развитии основных историографических школ в американской советологии см.: *Xenakis Ch.* What Happened to the Soviet Union? How and why American Sovietologists Were Caught by Surprise. Westport, 2002.

¹² Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 119; Д. 2. Л. 19; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / под ред. А. А. Фурсенко. М., 2004. Т. 1. С. 304.

¹³ *Catanuş D.* Tot mai departe de Moscova... Politica externă a României în contextul conflictului sovieto-chinez 1956–1965. Bucureşti, 2011.

¹⁴ *Moraru C.* Politica externă a României 1958–1964. Bucureşti, 2008. P. 36–37.

¹⁵ *Гладышева А. С.* Советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ и позиция румынского руководства (середина 1950-х — середина 1960-х гг.) // История: научно-образовательный журнал. 2015. Т. 6. Вып. 11 (44). URL: <http://history.jes.su/s207987840001341-4-1> (дата обращения: 21.05.2017).

¹⁶ *Croitor M.*: 1) *România și conflictul sovieto-chinez.* Cluj-Napoca, 2009; 2) *Moscova 1963. Eșecul negocierilor sovieto-chineze.* Cluj-Napoca, 2014.

¹⁷ Declarație cu privire la pozitia Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a C. C. al P. M. R. din aprilie 1964. Bucureşti, 1964.

¹⁸ Congresul al IX-lea al Partidului Comunist Român 19–24 iulie 1965. Bucureşti, 1965. P. 101.

¹⁹ *Ceaușescu N.* Cuvîntare la Consfătuirea privind activitatea în domeniul comerțului exterior. Bucureşti, Editura politică, 1967.

²⁰ *Murgescu C.* Cooperarea economică și tehnic-stiințifică internațională. Efectele ei asupra creșterii economice și dezvoltării schimburilor externe // *Eficiența economică a comerțului exterior: probleme teoretice și metodologice: Lucrarile Colocviului din 27 aprilie 1967.* Bucureşti, 1967. P. 21–22.

²¹ Подробно об этом см.: *Джалилов Т. А.* Канун «Пражской весны» глазами советских дипломатов // *Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е...* Экономика, политика, культура. М., 2013. С. 331–354.

²² Подробный анализ этих материалов см.: *Джалилов Т. А.* К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // *Новая и новейшая история.* 2012. № 6. С. 52–64.

²³ *Латыш М. В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 17.

²⁴ *Митрохин Н. А.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953–1985. М., 2003.

²⁵ 21 декабря 1966 г. в газете «Правда» была опубликована статья Ф. М. Бурлацкого «О строительстве развитого социалистического общества», оформлявшая новую идеологическую концепцию: завершение полного построения социализма (о чем было объявлено на XXI съезде КПСС) знаменует новый длительный период — стадию «развитого социализма», в ходе которой в полной мере реализуются преимущества социалистического строя. В 1967 г. о построении в СССР «развитого социализма» было заявлено Брежневым в речи по случаю 50-летия Октябрьской революции, а окончательно этот тезис был закреплен на XXIV съезде КПСС в 1971 г.

²⁶ *Деннингхаус В., Савин А. И.* Леонид Брежнев: «Маленькая сделка» между властью и народом // *Родина.* 2015. № 1015 (10).

²⁷ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 879. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ См., напр.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. М., 2006. С. 40, 522, 523, 613–619; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 348, 458, 520, 521; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 51.

³⁰ *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2006; *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008; Экономика России. Оксфордский сборник. Кн. 1. М., 2015; *Хлевнюк О. В.* Роковая реформа Н. С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 годы // Российская история. 2012. № 4; *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001.

³¹ *Некрасов В. Л.* Нефтехимический проект Н. С. Хрущева (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.): стратегия модернизации советской экономики, экспорт нефти и распределение ресурсной ренты // История: научно-образовательный журнал. 2015. Т. 6. Вып. 11 (44). URL: <http://history.jes.su/s207987840001371-7-1> (дата обращения: 21.05.2017).

³² *Варга-Харрис К.* Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время «оттепели» // Новейшая история России. 2011. № 1.

³³ *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006; *Узбекова Ю. И.* Деятельность Совета по науке при Совете Министров СССР (1963–1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2.

³⁴ *Автономов В.* Экономическая теория в ИМЭМО: советский период // Вопросы экономики. 2016. № 11; *Кутейников А. В.* Советский опыт внедрения информационных технологий в экономику страны. На примере истории проекта Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР (ОГАС) в 1960–1980-х годах // Экономическая политика. 2012. № 4; *Черкасов П. П.* ИМЭМО. Очерк истории. М., 2016.

³⁵ *Дегтев С. И.* Внешнеэкономические аспекты хозяйственной реформы 1965 г. (на примере нефтяной промышленности СССР) // Нефть страны Советов. М., 2005; *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016; *Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas* / ed. J. Perovic. London. 2017.

³⁶ Методологический индивидуализм «предполагает объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения» (*Кирдина С. Г.* К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М., 2013. С. 7–12).

³⁷ *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционный подход в экономической науке // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 67.

³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 93. Д. 301. Л. 44–46; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2015. С. 436.

³⁹ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1054. Л. 90–95; Д. 1059. Л. 3–7; Архив РАН. Ф. 1978. Оп. 1. Д. 129. Л. 71.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 104. Д. 4. Л. 1–194 об.

⁴¹ *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества... С. 231–233.

⁴² *Немчинов В. С.* Общественная стоимость и плановая цена. М., 1970. С. 382, 383.

⁴³ Л. А. Вааг — в 1960–1962 гг. — начальник отдела в Госэкономсовете СССР, в 1962–1964 гг. — зам. начальника отдела в Госкомитете по науке и технике СССР.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 519. Л. 86–96; Ф. 9480. Оп. 7. Д. 261. Л. 1.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 749. Л. 196, 197.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 1152. Л. 13–15.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 321. Л. 172–185; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 6478. Л. 65.

⁴⁸ Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966.

⁴⁹ Les archives économiques et financières. B 44151. Note du Secrétariat. Organisation de cooperation et de developpement économiques. TC/WP (68)1. 22.01.1969.

⁵⁰ Les archives économiques et financières. B 44151. Note du Président du Sous-Comité sur la Politique Economique Soviétique. NATO Confidential Document. AC/127-D. 04.05.1966.

⁵¹ Les archives économiques et financières. B 44151. Note du Secrétariat. Organisation de cooperation et de developpement économiques. TC/WP (68)1. 22.01.1969.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Les archives économiques et financières. В 44151. Note du Président du Sous-Comité sur la Politique Economique Soviétique. NATO Confidential Document. AC/127-D.04.05.1966.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 403. Л. 20.

⁵⁸ Архив внешней политики РФ. Ф. 99. Оп. 37. П. 55. Д. 9. Л. 114–115.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 3943. Л. 5–20.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 311. Л. 35.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

«Советский глобализм: теория и практика мировой системы социализма в 1950-х — 1970-х годах»: круглый стол в Институте всеобщей истории РАН // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 202–227.

Аннотация: Публикация включает в себя изложение докладов, представленных на круглом столе «Советский глобализм: теория и практика мировой социалистической системы в 1950-х — 1970-х годах», прошедшем в Институте всеобщей истории РАН 19 мая 2017 г. в рамках нового исследовательского проекта по истории «мировой системы социализма». В ней отражены как новые подходы к исследовательскому полю (М. А. Липкин, В. Л. Некрасов), так и историографические и терминологические исследования (С. Б. Вольфсон, А. А. Улунян), и новые архивные находки, рассматривающие тему через призму одной стороны, двусторонней и многосторонних перспектив (Т. А. Джалилов, Н. Ю. Пивоваров, А. С. Гладышева, И. А. Аггеева, А. Салаконе, Е. А. Осипов). С помощью новых, недавно рассекреченных источников из российских, восточно- и западноевропейских архивов, с использованием инструментария глобальной истории авторы открывают серьезную дискуссию о роли экономической стратегии в глобальном соревновании между капиталистической и социалистической системами в поисках ответа на вопрос о том, почему Китай выиграл, а СССР проиграл после серии реформистских волн и окончательного решения об экономической разрядке отношений с Западом в середине 1970-х гг.

Ключевые слова: мировая система, социализм, глобальная экономика, внешняя торговля, Союз Советских Социалистических Республик, Совет экономической взаимопомощи, Организация Варшавского договора, холодная война, разрядка.

FOR CITATION

“Soviet Globalism: Theory and Practice of the World Socialist System in 1950s — 1970s”: The Round Table Discussion in the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, *Modern History of Russia*, no. 4, 2017, pp. 202–227.

Abstract: The article comprises papers presented at the roundtable “Soviet globalism: theory and practice of the world socialist system from the 1950s to the 1970s” conducted at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences on May 19, 2017 within the frames of a new research project on the history of the “world system of socialism”. It unites new approaches to the discipline (Mikhail Lipkin, Viacheslav Nekrasov), historiography and terminology studies (Samuel Volfson, Artem Ulunyan) and new archival evidence from unilateral, bilateral and multilateral perspectives (Teimur Dzhallilov, Anna Gladysheva, Nikita Pivovarov, Irina Aggeeva, Alessandro Salacone, Eugeny Osipov). Following the new recently declassified sources from the Russian, West and East European archives and using global history tools, it opens a serious discussion on the role of economic strategy in competition between socialist and capitalist systems and searches for an answer to the question of why China won while the USSR lost after a several waves of inner reforms and a final shift towards economic détente with the West in the middle of 1970s.

Keywords: World System, Socialism, Global Economics, Trade, USSR, CMEA, Warsaw Pact, Cold War, Detente.

References:

- Artemov E. T. *Nauchno-tehnicheskaya politika v sovetskoj modeli pozdneindustrialnoy modernizatsii* (Moscow, 2006).
- Avtonomov V. 'Ekonomicheskaya teoriya v IMEMO: sovetskiy period', *Voprosy ekonomiki*. no. 11, 2016.
- Bokarev Yu. P. *SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-e gody* (Moscow, 2006).
- Catanuş D. *Tot mai departe de Moscova... Politica externă a României în contextul conflictului sovieto-chinez 1956–1965* (Bucharest, 2011).
- Cherkaşov P. P. *IMEMO: ocherk istorii* (Moscow, 2016).
- Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas*, Ed. by J. Perovic. (London, 2017).
- Croitor M. *România și conflictul sovieto-chinez* (Cluj-Napoca, 2009).
- Croitor M. *Moscova 1963. Eșecul negocierilor sovieto-chineze* (Cluj-Napoca, 2014).
- Degtev S. I. 'Vneshneekonomicheskie aspekty hozyaystvennoy reformy 1965 g. (na primere neftyanoy promyshlennosti SSSR)', *Neft strany Sovetov* (Moscow, 2005).
- Denninghaus V., Savin A. I. 'Leonid Brezhnev: "Malen'kaya sdelka" mezhdru vlastiyu i narodom', *Rodina*, no. 1015 (10), 2015.
- Dzhalilov T. A. 'K voprosu o vliyaniy sovetskogo faktora na chekhoslovatskie sobytiya 1964–1967 godov', *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 6, 2012.
- Dzhalilov T. A. 'Kanun "Prazhskoy vesny" glazami sovetskih diplomatov', *Moskva i Vostochnaya Evropa. Neprosytie 60-e... Ekonomika, politika, kultura* (Moscow, 2013).
- Ekonomika Rossii. Oksfordskiy sbornik*. Vol. 1 (Moscow, 2015)
- Gladysheva A. S. 'Sovetskie plany ekonomicheskoy integratsii v ramkah SEV i pozitsiya rumynskogo rukovodstva (seredina 1950-h — seredina 1960-h gg.)' *Istoriya: nauchno-obrazovatelnyy zhurnal*, no. 11 (44), vol. 6, 2015.
- Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* (Moscow, 2008).
- Khlevnyuk O. V. 'Rokovaya reforma N. S. Khrushcheva: razdelenie partiynogo apparata i ego posledstviya. 1962–1964 gody', *Rossiyskaya istoriya*, no. 4, 2012.
- Kirdina S. G. *K pereosmysleniyu printsipa metodologicheskogo individualizma* (Moscow, 2013).
- Kuteynikov A. V. 'Sovetskiy opyt vnedreniya informatsionnyh tekhnologiy v ekonomiku strany. Na primere istorii proekta Obshchegosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy upravleniya narodnym hozyaystvom SSSR (OGAS) v 1960–1980-h godah', *Ekonomicheskaya politika*, no. 4, 2012.
- Latysh M. V. "Prazhskaya vesna" 1968 g. i reaktsiya Kremlya (Moscow, 1998).
- Lipkin M. A. *Sovetskiy Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh — konets 1960-kh godov* (Moscow, 2016).
- Mitrokhin N. A. *Russkaya partiya: Dvizhenie russkih natsionalistov v SSSR, 1953–1985*. (Moscow, 2003).
- Moraru C. *Politica externă a României 1958–1964* (Bucharest, 2008).
- Murgescu C. 'Cooperarea economică si tehnico-stiințifică internațională. Efectele ei asupra creșterii economice si dezvoltării schimburilor externe', *Eficiența economică a comerțului exterior: probleme teoretice și metodologice: Lucrarile Colocviului din 27 aprilie 1967* (Bucharest, 1967).
- Nekrasov V. L. 'Neftekhimicheskiy proekt N. S. Khrushcheva (vtoraya polovina 1950-h — pervaya polovina 1960-h gg.): strategiya modernizatsii sovetskoj ekonomiki, eksport nefti i raspredelenie resursnoy renty', *Istoriya: nauchno-obrazovatelnyy zhurnal*, no. 11 (44), vol. 6, 2015.
- Nelson R., Winter S. 'Evolyutsionnyy podhod v ekonomicheskoy nauke', *Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessy* (Moscow, 2007).
- Nemchinov V. S. *Obshchestvennaya stoimost i planovaya tsena* (Moscow, 1970).
- Shubin A. V. *Ot "zastoya" k reformam. SSSR v 1977–1985 gg.* (Moscow, 2001).
- Uzbekova Y. I. 'Deyatel'nost' Soveta po nauke pri Sovete Ministrov SSSR (1963–1964) v kontekste regional'noy nauchnoy politiki SO AN SSSR', *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, 2007.
- Varga-Harris K. 'Khrushchevka, kommunalka: sotsializm i povsednevnost vo vremya "ottepeli"', *Modern History of Russia*, no. 1, 2011.
- Xenakis Ch. *What Happened to the Soviet Union? How and why American Sovietologists Were Caught by Surprise* (Westport, 2002).